

УДК [338.48 : 615.838] (477)

Петрова Татьяна Евгеньевна, старший научный сотрудник
Мемориального Дома-музея Сергея Тимофеевича Аксакова, г. Уфа, Россия

e-mail: piterpi@mail.ru

Роднов Михаил Игоревич, доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана, Ордена Знак
Почёта Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Россия

e-mail: rodnov@ufacom.ru

АКСАКОВСКИЕ МОТИВЫ В КРЫМУ: КНЯЖЕВИЧИ И АКСАКОВЫ ДРУЖИЛИ СЕМЬЯМИ

Аннотация: возле села Малореченского на Южном берегу Крыма в XIX –
начале XX веков располагалось большое поместье дворян Княжевичей.
Основатели имения в детстве жили в Уфе, где познакомились с будущим
великим русским писателем Сергеем Тимофеевичем Аксаковым. Затем братья
Княжевичи учились вместе с ним в Казанском университете и сохранили
дружбу на всю последующую жизнь. Эти неизвестные ранее сюжеты
открывают крымские страницы в истории семьи Аксаковых.

Ключевые слова: Крым, Уфа, Аксаковы, Княжевичи, литература,
дворянские поместья

Petrova Tatyana Evgenievna, senior researcher at the Memorial House-
Museum of Sergei Timofeevich Aksakov, Ufa, Russia

e-mail: piterpi@mail.ru

Rodnov Mikhail Igorevich, Doctor of Historical Sciences, leading researcher at
the Department of History and Cultural History of Bashkortostan, Order of the Badge

of Honor Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

e-mail: rodnov@ufacom.ru

AKSAKOV'S MOTIVES IN THE CRIMEA: THE KNYAZHEVICHES AND AKSAKOV'S WERE FRIENDS WITH FAMILIES

Abstract: near the village of Malorechenskoye on the southern coast of Crimea in the 19th – early 20th centuries there was a large estate of the Knyazhevich nobles. The founders of the estate lived in Ufa as children, where they met the future great Russian writer Sergei Timofeevich Aksakov. Then the Knyazhevich brothers studied with him at Kazan University and maintained their friendship for the rest of their lives. These previously unknown stories open Crimean pages in the history of the Aksakov family.

Key words: Crimea, Ufa, Aksakovs, Knyazhevichs, literature, noble estates

Как принято в историко-краеведческой литературе по Южному берегу Крыма (ЮБК), он заканчивается за Алуштой имениями Кучук-Узень, Туак, Ускют (ныне Малореченское, Рыбачье и Приветное). Потоки туристов посещают красивую современную церковь-маяк Св. Николая Чудотворца, построенную в память о погибших на водах. Но история этой местности также хранит память о знаменитых обитателях сего чудесного края.

В конце XVIII в. Екатерина II пожаловала имения в здешней округе, которые не раз меняли хозяев. И в мае 1832 г. владелец земли генерал-лейтенант Фёдор Васильевич Ридигер продаёт обширное поместье Кучук-Узень (более 2354 дес.), предварительно раздробив его на несколько частей. Через доверенное лицо два участка приобретают Дмитрий Максимович Княжевич (1788–1844) и Александр Максимович Княжевич (1792–1872, он родился в Уфе 11 октября 1792 г.). Последний ещё прикупил долю И.М. Фовицкого в имении Кучук-Узень в 1845 г. В 1835 и 1842 гг. Владислав Максимович Княжевич

(1798–1873) также купил у татар соседней деревни Туак дополнительно 12 дес.

Княжевичам досталась земля с пашнями, виноградниками, садами, постройками. Они уже в 1830-е гг. принялись увеличивать посадки под виноградными плантациями. В имении Кучук-Узень находился господский дом, которым совместно пользовались все представители рода.

Несмотря на удалённость новых земель, Княжевичи твёрдо обосновались на ЮБК. Наследники братьев – Антонин Дмитриевич Княжевич (1826–1879), Николай Антонинович Княжевич (1871–1950), Александр Антонинович Княжевич (1869 – после 1917) заботились о поместье, приезжали сюда на отдых. На 1915 г. поместье Кучук-Узень Н.А. Княжевича насчитывало 2361 дес., имение Туак А.А. Княжевича – 7,26 дес. [Краснолуцкий: 1080–1087]

Сами Княжевичи постоянно в Крыму не проживали, вообще эта семья отличалась странствиями по Европе и России, в 1792 г. родоначальник фамилии секунд-майор Максим Дмитриевич Княжевич оказался в Уфе.

Выходец из Сербии, перешедший на русскую службу Максим Дмитриевич Княжевич (1758–1809), в конце 1791 г. выходит в отставку, после недолгой службы в Саратове, с 1792 по 1797 гг. служил губернским прокурором в Уфе [8: 261]. Это была одна из руководящих должностей Уфимского наместничества, прокуроры тогда имели более широкие функции. С 1797 по 1801 гг. М.Д. Княжевич служил казанским губернским прокурором.

Здесь в Уфе и подружились семьи Княжевичей и Аксаковых. Благодаря биографическим книгам С.Т. Аксакова мы можем составить представление о раннем детстве и юности старших братьев Княжевичей.

Раннее детство

Семья Аксаковых дружила с Княжевичами в том числе по «ведомственному» принципу. Дед писателя, отец матери – надворный советник Николай Семёнович Зубов – в своё время тоже являлся прокурором в Уфимской провинциальной канцелярии [7: 237]. Отец писателя – Тимофей Степанович – титулярный советник, сначала стряпчий Оренбургского верхнего земского суда, затем – прокурор Уфимского верхнего земского суда. Семьи

Аксаковых и Княжевичей связывали добрые дружеские отношения. Детские годы, что Дмитрия и Александра Княжевичей, что Сергея Аксакова проходили в русле интересов и занятий их родителей в Уфе конца XVIII века.

В доме молодых родителей Аксакова в Уфе собирался своеобразный интеллектуальный кружок уфимского общества. «Всех знакомых ездило очень много, но я их мало знал. Мне хорошо известны и памятли только те, которые бывали у нас почти ежедневно и которые, как видно, очень любили моего отца и мать и нас с сестрицей. Это были: старушка Мертваго и двое её сыновей Дмитрий Борисович и Степан Борисович Мертваго, Чичаговы, Княжевичи, у которых двое сыновей были почти одних лет со мною <...> из военных всех чаще бывали у нас генерал Мансуров с женою и двумя дочерьми, генерал граф Ланжерон и полковник Л.Н. Энгельгардт». Это был круг образованных, достойных и высококультурных людей. Многие из них не были лишены литературного дара и впоследствии стали известны как мемуаристы: Дмитрий Борисович Мертваго, Лев Николаевич Энгельгард, Александр Фёдорович Ланжерон.

Центром и притяжением этого кружка была, без сомнения, Мария Николаевна Аксакова. «Все, по-тогдашнему умные и образованные люди, попадавшие в Уфу, – писал о своей матери С.Т. Аксаков, – спешили познакомиться с Софьей Николаевной, пленялись ею и никогда не забывали. <...> Учёные и путешественники, посещавшие новый и чудный Уфимский край, также непременно знакомились с Софьей Николаевной и оставляли письменные знаки удивления её красоте и уму» [Аксаков С.Т. Т. 1: 143–144].

Ещё до замужества она вела переписку с писателем Н.И. Новиковым, и он так «пленился красноречивыми письмами неизвестной барышни с берегов реки Белой из Башкирии, что присылал ей все замечательные сочинения в русской литературе, какие тогда появлялись, что очень много способствовало её образованию» [Там же: 143].

Русский писатель А.В. Амфитеатров свою статью, посвящённую разбору образа матери в повести «Семейная хроника» назвал – «Прабабушка русской

интеллигенции» [Переписка старших Аксаковых: 195], подчеркивая тем самым её приверженность к интеллектуальному воспитанию, интерес к наукам и искусствам в ущерб любованию природой, к чему более был склонен отец Аксакова и к чему неосознанно влеклась детская душа.

Вспоминая своё детство, Сергей Аксаков признавал, что именно влияние матери формировало его личность: «чтение книг, разговоры с матерью о предметах не детских, её доверенность ко мне, её слова, питавшие моё самолюбие: "Ты уже не маленький, ты всё понимаешь; как ты об этом думаешь, друг мой?" – и тому подобные выражения, которыми мать, в порывах нежности, уравнивала наши возрасты, обманывая самое себя, – эти слова возгордили меня, и я начинал свысока поглядывать на окружающих меня людей» [Аксаков С.Т. Т. 1: 509].

Друзья семьи не раз говорили Марии Николаевне, что она чересчур опекает своего сына и балует. Дмитрий Максимович Княжевич особенно настоятельно советовал ей определить Серёжу в Казанскую гимназию, оторвать его от родительской попечения. Своих детей он воспитывал по-спартански. «Дети Княжевичей были молодцы, потому что отец и мать воспитывали их без всякой неги; они не знали простуды и ели всё, что им вздумается, а я, напротив, кроме ежедневных диетных кушаний, не смел ничего съесть без позволения матери; в сырую же погоду меня не выпускали из комнаты» [Там же: 357–358].

И если в раннем детстве о братьях Княжевичих Сергей Аксаков вспоминает эпизодически, то последующие годы его их жизни были тесно связаны крепкой многолетней дружбой.

Годы учёбы

«Воспоминания» С.Т. Аксакова о годах учёбы, пожалуй, самый полный источник о детстве старших братьев Княжевичей. В стенах сначала казанской гимназии, а затем и вновь образованного Казанского университета протекала юность Дмитрия и Александра, чуть позднее младших братьев Николая и Владислава Княжевичей.

Мемуарная проза Аксакова имеет примечательную особенность:

рассказывая о себе, автор сумел передать дух и настроения целого поколения юношей начала XIX в. «Нельзя без удовольствия и без уважения вспомнить, какую любовью к просвещению, к наукам было одушевлено тогда старшее юношество гимназии. Занимались не только днём, но и по ночам. Все похудели, все переменились в лице, и начальство принуждено было принять деятельные меры для охлаждения такого рвения. Дежурный надзиратель всю ночь ходил по спальням, тушил свечки и запрещал говорить, потому что и впотьмах повторяли наизусть друг другу ответы в пройденных предметах. Учителя были также подвигнуты таким горячим рвением учеников и занимались с ними не только в классах, но во всякое свободное время, по всем праздничным дням. <...> Прекрасное, золотое время! Время чистой любви к знанию, время благородного увлечения!» [Аксаков С.Т. Т. 2: 123–124].

Со старшим Княжевичем Дмитрием Аксаков проучился немного, но именно в его воспоминаниях описывается история его отчисления из университета: честный и благородный юноша публично возмутился бесчеловечным поведением гимназического надзирателя. С Александром Княжевичем Сергей Аксаков проучился более длительное время и вспоминает о нём как об одарённом математике. «Особенно процветала у нас чистая математика, которую увлекательно и блистательно преподавал адъютант Г.И. Карташевский», – вспоминает Аксаков. Григорий Иванович Карташевский был молодым человеком, выпускником Московского университета. Как преподаватель он был строг и взыскателен, старался дать глубокие системные знания, постоянно усовершенствовал методику подачи материала.

Мать Сергея Аксакова после первого же знакомства с Карташевским была очарована его человеческими качествами, умом и обходительностью. Она приложила немало усилий, чтобы уговорить Григория Ивановича взять Сергея в воспитанники. Карташевский отнёсся к своей новой обязанности с большой ответственностью, пытаясь увлечь Аксакова своей любимой наукой – чистой математикой. Но, как вспоминает писатель – «Отличная память моя относительно математики оказывалась чистым листом белой бумаги, на

котором не сохранялось ни одного математического знака <...> Зная, что я был дружен с лучшим студентом математики, Александром Княжевичем, он предложил ему попробовать заняться со мною, и что же? У Княжевича я понимал гораздо лучше, чем у Григория Иваныча, и долее помнил. Но всё это ни к чему не повело: через несколько дней не оставалось в голове моей ни одного предложения, ни одного доказательства» [Там же: 101].

Среди студентов Казанского университета у Карташевского были любимые ученики, ценители и охотники до высшей математики: Николай Лобачевский и Александр Княжевич. Последнему даже доверили читать лекции по высшей математике в младших классах «после отъезда Григорья Иваныча <...> впредь до поступления нового профессора». Ещё один случай, подтверждающий незаурядные математические способности Александра Княжевича, приводит Аксаков в очерке, посвящённом А.С. Шишкову. Вспоминая студенческие годы, он пишет: у нас, что когда по выходе Карташевского (это случилось уже без меня) приехал в Казань знаменитый тогда европейский математик Бартельс и, пришед на первую лекцию, попросил кого-нибудь из студентов показать ему на доске степень их знания, то Александр Максимыч Княжевич разрешил ему из дифференциалов и конических сечений такую чертовщину, что Бартельс, как истинный учёный, пришел в восторг и, сказав, что для таких студентов надобно профессору готовиться к лекции, поклонился и ушёл» [Там же: 268–269].

Григорий Иванович, понимая природу дарования своего юного воспитанника Сергея Аксакова, приобщал его к литературе и языкам и театру. «Наставник мой, сообразно моим природным наклонностям и способностям, устроил план моего образования: общего, легкого, преимущественно литературного. Он выписал для меня немедленно множество книг» [Там же: 101].

Был в университете и свой студенческий театр, в котором Аксаков некоторое время даже директорствовал, а Александр Княжевич, по своей миловидности, исполнял женские роли. Спектакли студентов настолько были

увлекательны и интересны, что их посещала казанская публика, профессиональные актёры, а содержатель казанского театра П.П. Есипов подарил С. Аксакову «кресло на всегдашний свободный вход в театр».

Творческие порывы юных студентов находили выход и на литературном поприще. Аксаков вместе со своим другом Александром Панаевым и другими сокурсниками издавали рукописные журналы «Аркадские пастушки» и «Журнал наших занятий», куда помещали не только стихотворения, но и маленькие философские эссе и даже драматические отрывки. Именно здесь в университете у многих студентов сформировалась склонность к литературным занятиям и сочинительству. Все четыре брата Княжевича наряду с государственной службой и ответственными постами на протяжении всей жизни занимались активной литературной деятельностью: писали стихи, издавали журналы и альманахи, публиковали статьи на литературные темы, занимались переводами. С.Т. Аксаков тоже не сразу стал писателем. Около двадцати лет он посвятил государственной службе, но при этом, отдавая дань увлечению театром, публиковал театральные статьи и обзоры в литературных альманаха начала XIX в.

Годы учёбы как для Аксакова, так и для братьев Княжевичей были поистине временем формирования личности, «временем чистой любви к знанию, время благородного увлечения!»

«Прощай, шумная, молодая, учебная жизнь! Стены гимназии и университета, товарищи – вот что составляло полный мир для меня. Там разрешались молодые вопросы, там удовлетворялись стремления и чувства! Там был суд, осуждение, оправдание и торжество! Там царствовало полное презрение ко всему низкому и подлому, ко всем своекорыстным расчётам и выгодам, ко всей житейской мудрости – и глубокое уважение ко всему честному и высокому, хотя бы и безрассудному. Память таких годов неразлучно живёт с человеком и, неприметно для него, освещает и направляет его шаги в продолжение целой жизни, и куда бы его ни затащили обстоятельства, как бы ни втоптали в грязь и тину, – она выводит его на

честную, прямую дорогу. Я по крайней мере за всё, что сохранилось во мне доброго, считаю себя обязанным гимназии, университету, общественному учению и тому живому началу, которое вынес я оттуда. Я убежден, что у того, кто не воспитывался в публичном учебном заведении, остаётся пробел в жизни, что ему недостает некоторых, не испытанных в юности, ощущений, что жизнь его не полна...» [Там же: 162], – так закончится книга «Воспоминаний» Сергея Тимофеевича Аксакова.

Годы службы

Известно, как крепко связывают людей годы ученичества. Дружба, зародившаяся тогда, сохраняется на многие годы. Так случилось и с семьями С.Т. Аксакова и братьев Княжевичей. Они жили в разных столицах, но при первой же возможности встречались, а в другое время вели переписку¹. Эпистолярное наследие семьи Аксаковых огромно и опубликована лишь небольшая часть. Но и по тем уже введённым в научный оборот материалам складывается представление о тёплых, сердечных и многолетних взаимоотношениях старых друзей.

Среди братьев Княжевичей Дмитрий был самым известным не только как чиновник Министерства финансов, а в дальнейшем как попечитель Одесского учебного округа, но и как писатель, издатель и сотрудник многих литературных альманахов начала XIX в., собиратель русского фольклора. В литературной среде у него с Сергеем Тимофеевичем было много общих знакомых и среди них главной фигурой был Николай Васильевич Гоголь.

После смерти Гоголя С. Аксаков начал писать воспоминания о нем. С призывом собирать и записывать всё, что связано с личностью великого писателя он обратился ко всем знавшим Гоголя, чтобы по свежим следам составлять записки о встречах, беседах, записывать интересные факты из его жизни. В «Истории моего знакомства с Гоголем» Сергей Тимофеевич приводит интересный эпизод, связанный с Гоголем и Дмитрием Княжевичем: «Приехал в

¹ Письма Александра Княжевича к Сергею Тимофеевичу Аксакову хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ): Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 33.

Москву старый мой, ещё по гимназии, товарищ и друг, Дмитрий Максимович Княжевич; он был прекраснейший человек во всех отношениях: умный, образованный, живой, добрый, любящий и одарённый сильным эстетическим чувством. Кроме того, что он, по крайней мере до издания "Мертвых душ", понимал и ценил Гоголя, он был с ним очень дружески знаком в Риме и, как гостеприимный славянин, не один раз угощал у себя Гоголя. Княжевич очень обрадовался, узнав, что мы с Гоголем друзья и что он бывает у нас всякий день. Я думал, что и Гоголь этому обрадуется. Что же вышло? В первый раз, когда Княжевич приехал к нам при Гоголе и стал здороваться с кем-то за дверьми маленькой гостиной, в которой мы все сидели, Гоголь неприметно юркнул в мой кабинет, и когда мы хватились его, то узнали, что он поспешно убежал из дому. Такой поступок поразил всех нас, особенно удивил Княжевича. На другой день продолжалась такая же история, только с тою разницею, что Гоголь не убежал из дому, когда приехал Княжевич, а спрятался в дальний кабинет, схватил книгу, уселся в большие кресла и притворился спящим. Он оставался в таком положении более двух часов и так же потихоньку уехал. На вопросы, что с ним сделалось, он отвечал самыми детскими отговорками: в первый приезд Княжевича он будто вспомнил какое-то необходимое дело, по которому надобно было ему сейчас уехать, а в другой раз – будто ему так захотелось спать, что он не мог тому противиться, а проснувшись, почувствовал головную боль и необходимость поскорее освежиться, на чистом воздухе. Мы все были не только поражены изумлением, но даже оскорблены. Я хотел даже заставить Гоголя объясниться с Княжевичем, но последний упрямил меня этого не делать и даже взял с меня честное слово, что я и наедине не стану говорить об этом с Гоголем. Он думал, что, вероятно, Гоголю что-нибудь насаказали и что он имеет на него неудовольствие. Княжевич так любил горячо и меня и Гоголя, что буквально счёл бы за несчастье быть причиною размолвки между нами. Несмотря на то, наше обращение с Гоголем изменилось и стало холоднее. Гоголь притворился, что не примечает того. На третий день опять приехал Княжевич с дочерью, тогда как мы с Гоголем сидели все в моем

кабинете. Мы все сейчас встали, пошли навстречу своему гостю и, затворив Гоголя в кабинете, расположились в гостиной. Через полчаса вдруг двери отворились, вбежал Гоголь и с словами: «Ах, здравствуйте, Дмитрий Максимович!...» – протянул ему обе руки, кажется даже обнял его, и началась самая дружеская беседа приятелей, не видавшихся давно друг с другом... Точно он встретился с ним в первый раз после разлуки и точно прошедших двух дней не бывало. Покорно прошу объяснить такую странность! Всякое объяснение казалось мне так невыгодным для Гоголя, что я уже никогда не говорил с ним об этом, в чём раскаиваюсь теперь» [Аксаков С.Т. Т. 3: 210].

После 1837 г. Дмитрий Княжевич постоянно проживал на юге России. Общение с ним Аксаковых было затруднено, а вот с Александром Максимовичем бывшие однокашники виделись чаще. Сохранилось воспоминание дочери Сергея Тимофеевича Веры Аксаковой о приезде Александра Дмитриевича в Абрамцево [Аксакова, Карташевская: 193–195].

«Вчера же приехали давно ожидаемые наши гости Княжевич и Казначеев. Мы их все очень любим, особенно Княжевич, как ты знаешь, пользуется особенным расположением сестер. – Беспреданно или удят, или гуляют, или читаем вместе. Как приехал Константин, так принял на себя обязанность чтения вслух, впрочем, уже до тех пор Ал<ександр>Мак<симович> читал вслух гимназию; чтение это, разумеется, прерывалось очень часто воспоминаниями прошедшего, и он сделал несколько нужных замечаний. <...> На другой день все встали чуть не в 5 часов и отправились на уженье, а мы с маменькой – к ранней обедне. Наши воротились в 4-м часу перед обедом, своей поездкой остались все довольны. Наудили много рыбы и приятно провели время, были у Путят и завтракали там, Путяты были им очень рады. – Вечер был проведён в чтении, а сегодня утром опять все поднялись рано и с чаем, кофеем ездили на нашу мельницу, куда ещё часа в 4 утра Константин с Княжевичем отправились удить. У нас на мельнице место прекрасное, и особенно по утрам там хорошо. Мамонов уехал утром, а Княж<евич> с Казначеевым после обеда. – Простились мы не только по-дружески, но как родные, особенно с Княжевичем, который

плакал, расставаясь с нами, и не переставал махать шляпой до тех пор, пока совершенно скрылась коляска за деревьями. Ты не можешь себе представить, до какой степени это не только добрый, но нежный человек, даже в мелочах; сёстры к нему привязались от всей души. Он заботился об них, возился на ужение, в прогулках, как с дочерьми; впрочем, он и для всех почти готов то же делать, такая уже радушная славянская природа».

Интересно, что дружеские отношения связывали и детей Сергея Тимофеевича и племянников Александра Максимовича. После смерти брата Дмитрия Максимовича Александр взял на себя заботу о его семье – жене и пятерых детях. С семьёй Аксаковых была особенно близка Мария Дмитриевна Княжевич. Ольга Семёновна Аксакова даже хотела женить на ней своего сына Ивана. На что Иван Сергеевич писал ей в 1850 г.: «Совершенно согласен, милая маменька, что Машенька Княжевич предостойная девушка, всё это может быть, только я на ней ни за что бы не женился: мы точно противоположных полюсов люди»; «Верочка хвалит Маш<еньку> Княжевич и говорит, что она и Константину нравится. Так зачем же дело стало? Пусть женится! Ведь пора уже знать, что не дождешься от судьбы девы гордого идеала» [Аксаков И.С.: 144]. С Марией Княжевич поддерживала дружеские отношения и Вера Аксакова, и её двоюродная сестра Мария Карташевская – дочь Григория Ивановича Карташевского и родной сестры С.Т. Аксакова – Надежды Тимофеевны. И Карташевские, и Княжевичи жили в Петербурге и могли чаще видиться. С Верой Аксаковой, которая жила в Москве, шла постоянная переписка. Обсуждались новые книги, выставки, концерты и даже вопросы политики и новые общественные интересы.

С Александром Максимовичем Княжевичем по долгу службы были связаны и сыновья Сергея Тимофеевича Иван и Григорий, служившие в разное время в Министерствах юстиции и внутренних дел. Они все были государственными служащими и их объединял единый круг знакомых. Аксаковы обращались к Княжевичу и за реальной помощью по каким-то хозяйственным вопросам, и за советом.

После кончины Сергея Тимофеевича Аксакова тяжело заболел старший сын Константин Сергеевич. Нужны были средства, чтобы отправить его за границу на лечение. Деньги на это предложил Александр Максимович. Вот как писала об этом Ольга Семеновна сыну Григорию: «В субботу утром приехал Алекс<андр> Макс<имович> и сказал, что привезут золото сюда. С участием и слезами мы все встретились с ним, и он, посидя и поговоря, с такою приятною улыбкою и так тихо сказал: "Возьмите у меня деньги". Константин был тронут, и я сказала, что возьму. Пришло время, мы помолились и все вместе с Алекс<андром> Макс<имовичем> отправились на Аглицк<ую> набережную, где уже ожидал пароход до Кронштадта. – Вера не поехала с нами, и Алекс<андр> Макс<имович>, перекрестя Константина и познакомивши его с Платоновым, статс-секрет<арем> Царства Польск<ого>, едущим за границу и прекрасным человеком, сам уехал с докладом, взявши с меня слово обедать у него в воскресенье». <...> На другой день поехали в дом министра финанс<ов>, где нас ждал Алекс<андр> Макс<имович>. Мы исходили весь дом, малейшие уголки, канцелярию; видели картины, бумаги, сидели в его кабинете; все шкафы, печати – всё осмотрели; он как бы придумывал, что ещё показать нам. Наконец оттуда сели на пароход и поплыли к нему на дачу на Каменной Остров, где на балконе обедали. После обеда он пошёл с Любой и Соничкой и другими, тут же бывшими, гулять по островам и воротились в 9 часов, а мы с Верой и Александрой Христ<иановной> оставались. – Напившись чаю и когда все разъехались, Алекс<андр> Макс<имович> вынес мне пакет, на котором написано: 3 тысячи. Я очень сконфузилась и сказала: "Так возьмите же эти 500 р<ублей> сер<ебром>, которые вы дали золотом Константину"» [Переписка с родными: 244]. Своё внимание к семье Аксаковых Александр Максимович распространил вплоть до внука Сергея Тимофеевича. В метрической книге Ильинской церкви Уфы за 1861 г. есть запись о рождении 28 августа сына Уфимского гражданского губернатора Григория Сергеевича и Софьи Александровны Аксаковых Сергея. Крещение состоялось 5 сентября. Восприемниками записаны: «действительный статский советник Пётр

Иванович Булгаков, дочь статского советника Ольга Григорьевна Аксакова, действительный тайный советник Александр Максимович Княжевич и вдова, коллежская советница Ольга Семёновна Аксакова» [11].

Из семьи Сергея Тимофеевича Аксакова в Крыму бывал только Иван Сергеевич Аксаков. Из известной на данный момент литературы и эпистолярного наследия неизвестно фактов посещения дачи Княжевичей в Крыму кем-то из Аксаковых. Но и из того, что опубликовано, все малые крупницы фактов и упоминаний о братьях Княжевичах в аксаковском наследии предоставляют нам картину дружеского душевного общения и взаимного участия в жизни этих славных русских семейств.

Список источников и литературы:

1. Аксаков И.С. Письма к родным, 1849–1856 / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. 653 с.
2. Аксаков С.Т. Собрание сочинений: В 4 т. [Вступ. статья, подготовка текста и примеч. С. Машинского]. Т. 1: [Семейная хроника; Детские годы Багрова-внука]. М.: Гослитиздат, 1955. 640 с.
3. Там же. Т. 2: [Воспоминания; Очерки и незавершённые произведения]. М.: Гослитиздат, 1955. 506 с.
4. Там же. Т. 3: [Воспоминания; Статьи рецензии, заметки; Избранные стихотворения]. М.: Гослитиздат, 1956. 810 с.
5. Аксакова В.С., Карташевская М.Г. Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской (1853–1856) / подгот. Андрей Дмитриев и Денис Фёдоров. СПб.: Росток, 2016. 462 с.
6. Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма: История имений и дач с 1783 по 1920 год. СПб.: Изд-во Крига, 2020. 1112 с.
7. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1776. СПб., б. г. Разд. паг.

8. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от рождества Христова 1794. СПб., б. г. Разд. паг.

9. Переписка с родными / Григорий Сергеевич Аксаков; сост. Т.Е. Петровой; отв. ред. А.П. Дмитриев; вступит. статья М.А. Чванова. Ч. 1: Переписка С.Т. Аксакова и его жены с сыном Григорием, невесткой и внучкой (1844–1877). [СПб.]: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, 2021. 687 с.

10. Переписка старших Аксаковых с детьми и внуками (1816–1836). М.: ГУЗ, 2016. 207 с.

11. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 2.